

«Миссия движет дипломатией». Интервью митрополита Илариона газете «НГ-Религии»

Председатель ОБЦС митрополит Волоколамский Иларион рассказал о традициях церковной дипломатии и международной повестке дня журналистам газеты «НГ-Религии» Андрею Мельникову и Антону Куриловичу («НГ-Религии», 3 августа 2011 г.)

– Ваше Высокопреосвященство, дипломатия Русской Церкви насчитывает не одно столетие и накопила громадный опыт. Как бы Вы описали своеобразие церковной дипломатии, ее отличие от дипломатии государств?

– Церковная дипломатия ставит перед собой цель представлять и защищать интересы Церкви. Государственная же дипломатия защищает интересы той или иной страны в диалоге с субъектами международных отношений. Этим они похожи. Однако содержание интересов этих двух общественных институтов существенно различается. Государственная дипломатия главным образом исходит из прагматического подхода к внешним связям. Она должна обеспечить благоприятный внешний фон для своей страны, а также прочный международный мир. С другой стороны, внешняя политика государства иногда может становиться заложницей государственного режима и стремиться к достижению сомнительных политических целей.

Церковь же, являясь участником процесса международного общения, объединяет людей различных культур и национальностей, которые связаны общей верой. И главной задачей Церкви в ее отношениях с внешним миром является свидетельство об Истине Христовой. Для этого, собственно, мы и вступаем во внешнецерковные контакты, взаимодействуем с иными религиями, властями различных стран, международными и неправительственными организациями. Свидетельство веры выражается и в позиции Церкви по актуальным вопросам мировой повестки дня, и в области межрелигиозных отношений.

Из учения Церкви вытекает уважение достоинства человеческой личности, наделенной даром свободы и способностью к распознаванию моральных ценностей, которые призваны удерживать мир от торжества зла и неправды. Поэтому во внешних связях мы последовательно выступаем за учет этических норм в международных отношениях. Традиционная мораль, которая может стать

единственной основой мирного сосуществования людей в поликультурном обществе, исключает нравственное безразличие, эгоизм, потребительство и тому подобное. Довести эту позицию до возможно большего числа людей – вот в чем наша первоочередная внешнеполитическая задача.

– Насколько сотрудники ОБЦС учитывают традиции церковной дипломатии? Можно ли говорить о византийском стиле в деятельности ОБЦС?

– Вековые традиции церковной дипломатии зиждутся на словах апостола Павла: «Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир» (Еф. 6. 14–15). На протяжении веков русская церковная дипломатия укрепляла и продолжает укреплять единство Вселенского Православия, поддерживала и поддерживает связи с другими христианскими конфессиями и общинами последователей иных религий, а также играет особую роль в урегулировании противоречий и смягчении конфликтов цивилизаций, выполняя миротворческие функции.

Византийским стилем западные европейцы почему-то привыкли именовать не совсем честные методы в дипломатии. В истории Византии подобные дипломатические приемы иногда имели место, но они имели место и в истории множества других государств. Я не вижу никаких оснований для того, чтобы приписывать особое коварство и изощренность государственным деятелям империи ромеев, от которой Русь восприняла основные традиции государственности. Думаю, это один из штампов западной цивилизации.

– В прошлые века взаимодействие Церквей вершилось неспешно. В наши дни церковные переговорщики стремительно перемещаются на самолетах по всему миру. Как влияет это ускорение темпа жизни на характер принимаемых решений?

– Предание – это преемственность опыта из поколения в поколение. Отказ от этой преемственности означает не только разрыв с прошлым, но и некую радикальную трансформацию настоящего, которое неизбежно скажется на будущем. И Церковь в этом смысле очень консервативна. Она ценит и свое прошлое, и свое настоящее. Ее будущее вырастает из них. Реформы в Церкви могут касаться лишь внешних форм, но никогда не коснутся существа ее жизни. Однако традиции местного или временного характера могут меняться. Церковь открыта к различным аспектам культурной жизни человека, так как существует и действует в очень разных культурных контекстах, излагая свое учение разным языком и на разных этапах развития человеческого сообщества. Поэтому основные принципы церковной дипломатии совершенно не зависят от смены лошадей на самолеты, гусиных перьев на ноутбуки. Сочетание здорового консерватизма с открытостью современности на всех этапах исторического бытия Церкви помогало и помогает ей, в том числе и в осуществлении внешнецерковных связей.

– Насколько в своей деятельности, например при защите интересов христиан в исламских странах, ОВЦС прибегает к помощи МИД России?

– Вы затронули очень злободневный вопрос, связанный с положением христиан в странах, где они составляют меньшинство. Христианские общины присутствуют в этих регионах многие сотни лет и, несмотря на тяжелое положение, в котором они находятся, сумели сохранить свою веру и культурную идентичность. Однако в последние десятилетия христиане стали самой притесняемой и гонимой религиозной общиной мира, и в некоторых регионах Ближнего Востока их число значительно уменьшилось. По некоторым данным, в разных странах мира подвергаются преследованиям около 100 миллионов христиан ежегодно. Вот почему мы активно взаимодействуем с национальными и международными структурами, в том числе с МИД России, с целью изменения положения христиан к лучшему. Например, одним из действенных средств здесь может стать постановка вопроса о положении христиан при принятии решений о предоставлении экономической и иной помощи. Конечно, это не универсальный метод, поскольку многие страны арабского мира сами являются финансовыми донорами. Тем не менее доверительные отношения с арабскими странами, которые усилиями российской дипломатии сложились за последние десятилетия, могут стать хорошей основой для обсуждения проблемы защиты христиан.

– Какие инструменты воздействия есть у церковных дипломатов? Удавалось ли по своим, религиозным каналам уладить конфликты в случаях, когда государственная дипломатия оказывалась бессильна?

– Приведу недавний пример. 26 июля в Киеве состоялась встреча Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II. Препятствием для этой встречи не стало отсутствие дипломатических отношений между Россией и Грузией. Напротив, как отметил Патриарх Кирилл, контакты между Русской и Грузинской Церквями приобрели даже еще более интенсивный характер, чем прежде, что в некоторой степени призвано восполнять отсутствие связей на политическом уровне. На наш взгляд, это залог того, что добрые отношения между нашими государствами восстановятся.

История знает немало доказательств исключительной эффективности церковной дипломатии в условиях межгосударственных нестроений. Достаточно вспомнить многолетнее представительство интересов Российской империи Русской духовной миссией в Пекине или работу Русской духовной миссии в Иерусалиме в условиях отсутствия дипломатических отношений между СССР и Израилем. Тем не менее миротворческий потенциал церковной дипломатии остается во многом нераскрытым. С каждым годом это все лучше понимают в российском внешнеполитическом ведомстве. Свидетельство этому – плодотворная работа Группы по

взаимодействию Русской Церкви и МИД России. У верующих традиционных религий много общего, и, когда исчерпан ресурс доверия между политиками и дипломатами, они способны сохранять дружбу и взаимное уважение. Об этом свидетельствуют и наши добрые и многолетние контакты с богословами и учеными Ирана, страны, которая находится, по существу, в международной изоляции.

С мусульманскими лидерами мы напрямую обсуждаем и проблемы христианского меньшинства. В начале июня я посетил Египет и встречался с ректором, преподавателями и студентами старейшего исламского университета «Аль-Азхар». Мое слово, в котором я говорил о положении христиан в этой стране, было воспринято с большим пониманием и заинтересованностью, что еще раз демонстрирует способность церковных дипломатов искать решения проблем, в том числе и тогда, когда светская дипломатия оказывается бессильна.

– Как Вы считаете, когда может состояться Всеправославный Собор?

– Взаимные отношения Поместных Православных Церквей находятся сегодня на подъеме и характеризуются ростом доверия и сотрудничества. В последние годы достигнут значительный прогресс в подготовке Всеправославного Собора. Точное время проведения Всеправославного Собора предсказать невозможно. Он состоится тогда, когда Православные Церкви достигнут согласия друг с другом по темам повестки дня, обнародованной еще в 1960-е годы. В ходе обсуждения этих тем на Межправославных подготовительных комиссиях и на Всеправославных предсоборных совещаниях по большинству из них между Поместными Церквями удалось найти консенсус, по некоторым – еще нет. В настоящее время Поместные Православные Церкви должны сообща принять решение о том, будет ли Собор проводиться по полной повестке дня или рассмотрит лишь те вопросы, по которым Церквями уже выработана согласованная позиция. Выбор в пользу второго варианта, очевидно, приблизит время созыва Всеправославного Собора.

С другой стороны, в наши дни не все вопросы, вынесенные на обсуждение в прошлом веке, сохраняют актуальность, например тема борьбы с расовой дискриминацией. В то же время Церковь находится перед целым рядом новых вызовов, требующих безотлагательного обсуждения и принятия решений. К их числу относятся, в частности, некоторые вопросы биоэтики, а также проблемы, обусловленные кризисом семейных ценностей в современном обществе. Эти вопросы, как мы считаем, стоило бы затронуть в ходе предстоящего Всеправославного Собора.

– Можно ли сказать, что взаимоотношения с Ватиканом в последнее время стали приоритетным направлением в деятельности ОВЦС?

– Приоритетным направлением работы Отдела внешних церковных связей является все же

прежде всего развитие отношений Русской Православной Церкви с Поместными Православными Церквями. Однако можно отметить, что на протяжении последних пяти лет появилась положительная динамика в развитии отношений со Святым Престолом. Сегодня мы приходим к более глубокому осознанию необходимости объединять усилия перед лицом таких вызовов современности, как либеральная секуляризация, негативные аспекты глобализации, кризис семьи, размывание основ социальной этики. Особую актуальность в свете недавних событий на Ближнем Востоке обретает вопрос противостояния дискриминации христиан и различным проявлениям религиозной нетерпимости во многих странах мира.

– Не так давно Вы встречались с экс-президентом Джорджем Бушем. Расскажите, пожалуйста, какую пользу может принести Московскому Патриархату взаимодействие с влиятельным сообществом консервативных протестантов в США?

– Моя неофициальная встреча с Джорджем Бушем – лишь один из множества эпизодов нашего взаимодействия с американскими христианскими консерваторами. Как известно, сам экс-президент «встретился с Иисусом» в 40-летнем возрасте под влиянием проповедника Билли Грэма, который помог ему изменить прежний образ жизни. Джордж Буш сблизился с евангеликами. Они помогли ему в политической карьере. Буш неоднократно говорил, что его цель – «распространять библейское видение мира». Не хотел бы в данном контексте давать оценку политической деятельности Джорджа Буша-младшего в бытность его президентом США. Хотел бы сказать о другом: о том, что мы солидарны с евангеликами в их борьбе против либерализации христианства, в их отстаивании традиционных нравственных норм. Они последовательно выступают против так называемых однополых браков и ординаций гомосексуалистов. В этом смысле можно говорить о евангеликах как о защитниках христианской морали. В то же время наше понимание веры во Христа и природы Церкви радикально различается.

Фото пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси